DOI: 10.17976/jpps/2014.05.05

УКРАИНА В ПОЛИТИЧЕСКОМ КРИЗИСЕ: ОБРАЗ РОССИИ КАК КАТАЛИЗАТОР ПРОТИВОРЕЧИЙ

О.И. Вендина, В.А. Колосов, Ф.А. Попов, А.Б. Себенцов

ВЕНДИНА Ольга Ивановна, кандидат географических наук, ведущий научный сотрудник Центра геополитических исследований Института географии РАН. Для связи с автором: o.vendina@gmail.com; **КОЛОСОВ Владимир Александрович, доктор географических наук, профессор, руководитель Центра геополитических исследований Института географии РАН.** Для связи с автором: vladimirkolossov@gmail.com; **ПОПОВ Федор Аркадьевич, кандидат географических наук, научный сотрудник Центра геополитических исследований Института географии РАН.** Для связи с автором: fpopov@yandex.ru; **СЕБЕНЦОВ Александр Борисович, кандидат географических наук, научный сотрудник Центра геополитических исследований Института географии РАН.** Для связи с автором: asebentsov@gmail.com

Статья поступила в редакцию: 06.05.2014. Принята к печати: 30.06.2014

Аннотация. В статье рассматривается период, предшествовавший политическому кризису на Украине 2013-2014 гг. Анализируются особенности риторики лидеров Украины и образ России, формируемый внешнеполитическими дискурсами страны, новостными программами на разных телеканалах и школьными учебниками истории и географии. В заключении статьи обосновывается вывод о деструктивности подхода к формированию единой украинской нации исходя из противопоставления Украины и России.

Ключевые слова: Украина, Россия, политический дискурс, СМИ, учебники, национально-государственная идентичность, национальные интересы.

По данным Центра социальных и маркетинговых исследований “Социс” и Киевского международного института социологии (КМИС), в феврале 2014 г. 81% населения Украины не доверяли Верховной Раде, 75% – правительству, 77% – милиции и 80% – судам. Зеркальным отражением ситуации стал высокий уровень доверия церкви (70%) и СМИ (61%)[1]. Другими словами, украинское государство подверглось сильнейшей эрозии, основными инструментами организации и консолидации общества стали индоктринация населения через СМИ и традиционные, а не политические и правовые институты.

Чтобы избежать излишней политизации, вызванной событиями Евромайдана, обратимся к материалам исследования, проведенного в год 20-летия распада СССР. Тогда мы задались целью понять роль образа России в формировании современной украинской национальной идентичности и обосновании политики лидеров страны. За период с 1 июля 2010 г. по 30 июня 2011 г. были проанализированы, *во-первых*, материалы официальных сайтов президента Украины (выступления, пресс-релизы, рабочие встречи, интервью) и партии “Батьківщина”, интервью видных украинских политических деятелей в печатных и электронных СМИ. *Во-вторых*, контент-анализу были подвергнуты скрипты ежедневных новостных программ проправительственного телеканала “Интер” и оппозиционного “5 канала”. *В-третьих*, проведен анализ *действующих* на Украине школьных учебников по истории (с 5 по 11 классы) и общественной географии (9 и 10 классы), рекомендованных Минобр науки Украины, в сравнении с их более ранними аналогами издания 2002-2009 гг. Поскольку дискуссия о “европейском” или “российском”

[1] См. Дані спільного загальноукраїнського соціологічного дослідження. 2014. (Презентация в формате *.ppt). – SOCIS: Центр соціальних та маркетинговых досліджень. 07.01. Доступ: http://www.socis.kiev.ua (проверено: 07.01.2014). Опрос 2400 респондентов проводился методом индивидуальных интервью (“лицом к лицу”). Характерно, что показатели доверия церкви и СМИ в период Евромайдана заметно выросли. В 2011 г. церкви выражали доверие 65% опрошенных, а СМИ – 47%.

выборе Украины перешла в форму вооруженного конфликта, имеет смысл вернуться к полученным результатам и переосмыслить их с новых позиций.

Остановимся кратко на описании фактов, помогающих лучше понять, почему регионы Украины так по-разному отреагировали на Евромайдан и последовавшие события. Украина далеко не единственная страна, обладающая высоким внутренним разнообразием, обусловленным разностью исторических судеб входящих в ее состав территорий[2] и неравномерностью социально-экономического развития. В не меньшей мере эта особенность свойственна соседним Польше и России. Кардинальное отличие Украины состоит в том, что проблема идентификации страны Украина с государством Украина стала решаться не до обретения нацией своего суверенитета, а постфактум. Идея государственности, сводимая на Украине к тезису "один народ, одна территория, один язык", неоднозначно воспринималась разными частями страны. Только глубочайший социально-политический кризис 2013-2014 гг., приведший к территориальным потерям и человеческим жертвам, окончательно совместил представление о стране и государстве. Стремясь после распада СССР к интеграции страны и делая ставку на унитарное государственное устройство и централизацию, украинские власти, конечно, не предполагали такого сценария, хотя о межрегиональных противоречиях говорилось и писалось много. Это не помешало созданию неопатримониального государства с характерными для него вассальными отношениями между центром и регионами [Фисун 2009], которое способствовало усилению позиций Киева во всех сферах и падению уровня жизни в остальной стране. Равно бедствуя, регионы Украины существенно различались по масштабам и эффективности своей экономики. Восточные урбанизированные и индустриально развитые области, граничащие с Россией – прежде всего, Донецкая, Луганская и Харьковская, обеспечивали более четверти ВВП страны и привлекали пятую часть всех инвестиций, тогда как вклад западных областей, пограничных с ЕС, составлял 8-10% (см. табл. 1).

Несоответствие продуктивности экономики и низкого уровня жизни тех, кто ее обеспечивал, давало многочисленные поводы для спекуляций на тему "кто кого кормит" и рождало социальное недовольство. Отсутствие материального поощрения восточных регионов усугубляло чувство политической ущемленности. Согласно совместному исследованию университетов Луганска, Дорогобыча и Львова "Украина: образы регионов и межрегиональные отношения" (2005 г.), большинство жителей Донецкой области воспринимали политику формирования общенациональной идентичности как грубое навязывание западноукраинской модели, не учитывающей местные особенности [Вендина 2011: 270-306]. Хотя все эксперты сходились в том, что решение задачи консолидации нации на основе общей идентичности является важнейшим условием выхода Украины из затяжного кризиса, связанного с национально-государственным строительством [Миллер 2000; Миллер 2006; Грицак 2004: 216-228; Ципко 2001], реальная политика менялась слабо, а социально-экономические расколы на Украине усугублялись.

[2] Украинские историки, этнографы и географы чаще всего выделяют следующие исторические провинции: Северщину, Стародубщину, Малороссию (Среднее Приднепровье, разделяемое на Левобережную и Правобережную часть), Слобожанщину, Запорожье, Новороссию, Донбасс, Северную (или Степную) Таврию, до недавнего времени Крым, Полесье, Подолье, Волынь, Галицию, Закарпатье или Подкарпатскую Русь, Буковину и Южную Бессарабию. Земли к югу и востоку от Днепра стали осваиваться Российской Империей только с конца XVIII в. и заселялись выходцами с территорий современных России и Украины.

Таблица 1

Некоторые показатели социально-экономического развития регионов Украины, граничащих с Россией и с Европейским союзом

Регионы Украины	Численность населения, 2013, тыс. чел.	Доля в населении страны, %	Доля городского населения, %	ВРП, 2011, фактические цены, млн грн.	Удельный вес региона в ВВП страны, %	Среднемесячная номинальная заработная плата, грн., 2012
Украина	45 533,0	100,0	68,88	1 302 079	100,0	3026
Киев	2845,0	6,2	100,0	223 774	17,2	4607
Регионы, граничащие с Россией						
Черниговская	1077,8	2,4	63,5	21 165	1,6	2308
Сумская	1143,2	2,5	67,85	22 907	1,8	2503
Харьковская	2744,4	6,0	80,34	76 866	5,9	2753
Донецкая	4375,4	9,6	90,6	161 021	12,4	3496
Луганская	2256,5	5,0	86,81	57 202	4,4	3090
Итого	11 597,3	25,5	–	339 161	26,1	–
Регионы, граничащие с Европейским союзом						
Волынская	1040,0	2,3	52,06	17 637	1,4	2339
Львовская	2540,7	5,6	60,84	52 103	4,0	2578
Закарпатская	1254,4	2,8	37,18	18 054	1,4	2351
Ивано-Франковская	1381,8	3,0	43,4	26 752	2,1	2539
Черновицкая	907,2	2,0	42,5	11 969	0,9	2329
Итого	7124,1	15,7	–	126 515	9,8	–

Источник: Статистичний збірник "Регіони України 2013" Частина I и Частина II, 2013; Чисельність наявного населення України на 1 січня 2013 року, 2013; Статистичний збірник "Національні рахунки України 2012", 2013.

НАЦИЯ, НАЦИОНАЛЬНЫЕ ИНТЕРЕСЫ И ВНЕШНЕПОЛИТИЧЕСКИЕ ДИСКУРСЫ

После 20 лет независимости первый президент Украины Л. Кравчук констатировал: "*Единой украинской нации не существует. Иначе бы в обществе не дискутировались вопросы языка, территориальной целостности и не ставились бы под сомнение культурные ценности украинцев*"[3]. В чем причина? Некоторые украинские историки видят ее в просчетах политиков: кропотливая работа по формированию политической нации подменялась языковой и обрядовой украинизацией восточных и южных регионов страны [Грицак 2011]; другие полагают, что во всем виноваты "кадры": советская партийно-хозяйственная элита по-прежнему занимает порядка половины всех кресел в управленческом аппарате. Эти люди просто не могут реализовать интересы украинского

[3] Кравчук: Украинской нации не существует. 2011. *Цензор.Нет*. 11.01. Доступ: http://censor.net.ua/video_news/149996/kravchuk_ukrainskoyi_natsii_ne_suschestvuet_video (проверено 07.02.2014). Заметим, что после референдума о независимости 1991 г. в стране была уверенность, что украинцы – это нация, обретшая полноценную государственность.

государства, поскольку консолидация нации предполагает и создание новой экономики, минимизирующей зависимость от российских энергоресурсов и рынков сбыта [Галушко 2012]. Третьи указывали на необходимость окончательного размежевания с Россией, поскольку европейский выбор Украины является "не только политическим, но и цивилизационным проектом", означающим движение вперед и в политическом, и в экономическом отношениях, тогда как "российский" – возвратом назад и утратой суверенитета [Колосов 2011: 65-99; Погребинский 2007: 52]. Отсюда следовало, что сближение с Россией возможно только в допустимых пределах. Делегирование части национального суверенитета России или созданным под ее руководством структурам, таким как Таможенный союз или ЕврАзЭС, недопустимо.

"Европейская перспектива", которая служит ориентиром модернизации для многих стран Центральной и Восточной Европы, включая Россию, была превращена на Украине в идеологию построения новой украинской идентичности и постсоветской государственности в рамках концепции "Украина – не Россия". Эта идея обрела институциональное оформление после выхода в свет книги Л. Кучмы с таким же названием [Кучма 2004] и сохраняла ключевое значение на протяжении всего постсоветского времени, хотя степень ее воплощения варьировалась в зависимости от персоналий на ведущих государственных постах.

В. Янукович не был исключением. Победив на выборах 2010 г., он провозгласил политику "национального прагматизма", которая должна была прийти на смену политике "евроинтеграции" В. Ющенко и отличаться от "многовекторной политики" Кучмы. Основными принципами новой политики были "прагматизм, экономизация, внеблоковость"[4]. Добрососедские отношения с Россией, подчеркивал Янукович, создают "здоровую политическую атмосферу, которая способствует участию Украины в европейской интеграции"[5]. Более того, Украина способна повести за собой Россию, возглавив движение в ЕС[6]. Удивительным образом эта мысль прозвучала в интервью З. Бжезинского, данного им украинским СМИ в разгар Евромайдана. *С точки зрения исторической перспективы,* говорит Бжезинский, *гораздо разумнее смотреть на последние события в Украине как на начало долгого процесса, который приведет не только к возможному расширению Европы, не только к включению Украины, но и к включению в нее России*[7].

После своего избрания Янукович инициировал принятие Закона о внутренней и внешней политике Украины. В ст. 11 (пункт 2) был обозначен внеблоковый статус страны при сохранении "конструктивного партнерства" с НАТО и другими блоками "по всем вопросам, представляющим взаимный интерес". Там же была поставлена задача интеграции Украины в европейское пространство с целью приобретения членства в ЕС[8].

---

[4] *Выступление Президента Украины Виктора Януковича на Десятом совещании руководителей зарубежных дипломатических учреждений Украины.* 14.12.2010. Доступ: http://www.president.gov.ua/ru/news/18938.html (проверено 18.04.2014).

[5] *Глава государства подчеркивает, что евроинтеграционное движение Украины никоим образом не вредит развитию конструктивных отношений с России.* 31.09.2010. Доступ: http://www.president.gov.ua/ru/news/18803 (проверено 18.04.2014).

[6] *В. Янукович желает Юлии Тимошенко успехов.* 20.06.2011. Доступ: http://www.president.gov.ua/ru/news/20464 (проверено 18.04.2014).

[7] *Збигнев Бжезинский: Янукович умный в политическом смысле слова.* 15.01.2014. Доступ: http://hvylya.org/interview/geopolitics2/zbignev-bzhezinskiy-yanukovich-umnyiy-v-politicheskom-smyisle-slova.html (проверено 18.04.2014).

[8] Закон України № 2411-VI "Про засади внутрішньої і зовнішньої політики". 2010. *Відомості Верховної Ради України (ВВР).* № 40. Ст. 527.

Хотя "европейский выбор" Украины был главным козырем президента Ющенко, Янукович постоянно подчеркивал, что *именно он* начал настоящий путь Украины в "европейский дом"[9]. В этом контексте намерение Украины подписать Соглашение об ассоциации с ЕС на саммите инициативы "Восточное партнерство" и подготовительная работа, развернувшаяся годом раньше, вовсе не выглядят как нечто неожиданное, несвойственное политике Януковича. Неожиданной была активность, с которой его администрация взялась за дело, и согласованность действий правительства и парламента, что заставило людей поверить в реальность намерений и переход от деклараций к действиям [Паниотто 2013: 17-23]. Однако если в вопросе "европейского выбора" мнения украинских политиков разного толка были близки, то по другим вопросам, существенным для жизни Украины и ее отношений с Россией и ЕС, заметно отличались (см. табл. 2).

Таблица 2

Различия взглядов украинских лидеров на проблемы, затрагивающие интересы России

Проблемы	В. Янукович и "Партия регионов"	Ю. Тимошенко и "Батьківщина"
Отношения "Россия – Украина –Запад"	Политика, основанная на принципах прагматизма и внеблоковости. Отсутствие противоречий между сближением с Россией и евроинтеграцией.	Украина – неотъемлемая часть Европы и западного "цивилизованного сообщества", Россия – источник внешних угроз и политической нестабильности, с ней следует поддерживать лишь необходимые связи.
Отношения "Украина – НАТО"	Приостановка расширения сотрудничества с НАТО.	Вступление в НАТО – главная гарантия национального суверенитета и безопасности.
Отношения "Украина – Россия"	Прагматизм, получение более выгодных условий сотрудничества и одновременно отказ от участия в Таможенном союзе и ЕврАзЭС.	Обвинения в ущемлении суверенитета и навязывании российской авторитарной модели политического устройства.
Роль русского языка	Признание языковых прав русскоязычного населения, частичное удовлетворение его требований.	Украинский язык – главная опора и ресурс украинской идентичности и консолидации нации. Сокращение сферы применения русского языка.
Отношение к совместному прошлому	Отказ от политизации истории, частичное признание ее советской версии.	Совместное прошлое – это история непрерывной и неравной борьбы украинского народа с угнетателями.
История советской Украины	Период "ограниченного суверенитета", этап формирования социально-экономического потенциала страны, обеспечивший возможность независимости.	Эпоха колониального угнетения, выкачивания из Украины людских и материальных ресурсов. Удушение украинской государственности.
Голодомор	Преступление сталинского режима против народов СССР.	Целенаправленный геноцид украинского народа.
Великая Отечественная война	9 мая – священная дата, общий праздник, объединяющий народ Украины и другие народы мира.	Советско-нацистская война, жертвой которой стал украинский народ; героизация ОУН-УПА.

Источники: сайты Президента Украины и Партии "Батьківщина" (БЮТ).

[9] *Виктор Янукович: Популизм – слишком дорогая плата за популярность*. 03.06.2010. Доступ: http://2000.net.ua/2000/forum/vizavi/67141 (проверено 08.01.2014).

Все эти идеи обсуждались и в предшествующие годы постсоветской истории Украины, обеспечивая устойчивые отличия украинских политических дискурсов. Смена политических лидеров влекла за собой рокировку мировоззренческих позиций [Толпыго 1994: 116; Колосов 2001: 103; Кынев 2005: 65]. Однако наличие разных мнений в широком поле политических дискуссий еще не означает их влиятельности. Для того чтобы взгляды политиков трансформировались в политический дискурс и стали установкой к действию, они должны не устаревать и их справедливость должна быть признана значительной частью населения. Эти задачи решаются через масс-медиа, которые обеспечивают публичное сосуществование дискурсов.

"Интер" и "5 канал" – два полюса украинского телевидения

Телевидение остается главным источником информации на Украине. Согласно *TSN Gallop Group*, ежедневная телеаудитория составляет более 90% населения страны, тогда как аналогичная интернет-аудитория едва превышает 30%[10]. Украинское телевидение предоставляет своим зрителям широкий спектр мнений, оценок и взглядов на происходящие события, что является важным демократическим достижением страны. Несмотря на это, *Freedom House* относит Украину к категории государств *с частично свободными* СМИ (131-е место среди 197 стран, 2012 г.).

Наиболее популярным в рассматриваемый период был общенациональный телеканал "Интер" – проводник официальных оценок происходящих событий. В качестве оппозиции ему был выбран "5 канал" – не самый рейтинговый (12-е место), но, по мнению большинства экспертов, остававшийся в 2011 г. наряду с *TVi* одним из последних полностью свободных телеканалов Украины[11]. Наибольший интерес для анализа для нас представляли новостные программы: на "Интере" – "Подробности" и "Подробности недели"[12]; "5 канал" транслирует новости в режиме нон-стоп. Оба канала придерживаются внешне беспристрастного подхода, большинство сюжетов выдержано в нейтральных тонах, корреспонденты стараются избегать прямых оценок. России отводилось место важнейшего элемента картины мира, "точки отсчета", относительно которой оценивались успехи и неудачи Украины. Несмотря на сходство сюжетов, их интерпретация на каналах существенно различалась. Наглядный пример – отношение к политике национального прагматизма, предложенной Януковичем.

На "Интере" Россия, США и страны ЕС позиционировались как равнозначные и равноправные партнеры Украины, а сама Украина – как самостоятельное государство, открытое для сотрудничества с любыми державами, но идущее собственным путем. Едва ли не каждое сообщение "Интера" о выступлениях Януковича или премьер-министра Н. Азарова подкреплялось соответствующими цитатами. В контексте "национального прагматизма" естественным выглядело и стремление Украины играть роль "моста" между

[10] Динаміка використання Інтернет в Україні. Прес-релізи та звіти. Київський міжнародний інститут соціології. 28.10.2013. Доступ: http://www.kiis.com.ua/?lang=ukr&cat=reports&id=199&page=1 (проверено 14.02.2014).

[11] Media expert: Only two TV stations still give viewers fair news coverage. – *Kyiv Post.* Доступ: http://www.kyivpost.com/news/nation/detail/66674 (проверено 14.02.2014).

[12] Кращі ТВ-програми за січень-червень 2011 року. – GfK Ukraine. Доступ: http://www.gfk.ua/imperia/md/content/gfkukraine/tvdata/11_0106_top_tv_programs.pdf (проверено 16.03.2014).

Европой и Азией, ЕС и Россией. В новостном потоке "5 канала" подобным заявлениям места почти не находилось, политика "национального прагматизма" представлялась не как попытка навести мосты, а как проявление непоследовательности политического курса Украины, "озадачивающего" Брюссель.

Если на "Интере" российско-украинские отношения выглядели скорее добрососедскими, нежели конфликтными, и целые сюжеты были посвящены взаимной поддержке двух стран в случае необходимости (аварии, стихийные бедствия и пр.), реализации совместных проектов, то на "5 канале" такие новости встречались редко. Каждое такое сообщение подвергалось критическим (скорее негативным) комментариям, и всегда находились доказательства "неевропейскости" и недемократичности России в целом. Такие горькие полуистины создавали "5 каналу" репутацию демократического, в отличие от "Интера". Главными информационными поводами, испытывавшими российско-украинские отношения на прочность, за рассматриваемый период, как, впрочем, и все постсоветское двадцатилетие, были "газовые войны" и российская военно-морская база в Севастополе. Одновременное подписание в апреле 2010 г. в Харькове соглашений о снижении стоимости закупок и транзита газа через территорию Украины и о продлении сроков аренды базы в Севастополе до 2042 г. тесно связало эти два больных вопроса.

Согласно данным *Research & Branding Group*, в момент подписания соглашения 58% населения Украины восприняло их позитивно. Спустя год только 30% оценивали их как взаимовыгодные, а 40% рассматривали как уступки со стороны Украины. Мнение населения юга и юго-востока Украины отличалось от оценок жителей центра и тем более запада страны[13]. Поворот в интерпретации газовых разногласий произошел, когда Ю. Тимошенко была привлечена к суду за "нанесение ущерба экономике Украины". В Киеве начался процесс, в котором сама Тимошенко и ее сторонники были склонны видеть расправу, а их оппоненты – расплату за коррупцию.

Как и прежде, целью информационной политики "Интера" была консолидация народа вокруг правящей элиты. Но если раньше это достигалось за счет формирования образа внешнего врага, то затем на первый план вышли поиски врага внутреннего. На смену представлению о России как монополисте, навязывающем Украине кабальные условия и постепенно отбирающем ее суверенитет, пришло представление об ответственности собственных элит, стоявших у власти в предыдущем правительстве, и высоком уровне их коррумпированности. Неприязнь "Интера" к Тимошенко особенно бросалась в глаза. О харьковских соглашениях, напротив, сообщалось в позитивных тонах как о "первых шагах к восстановлению добрососедских отношений с Россией"[14].

В эфире "5 канала" те же события освещались с позиции стратегического проигрыша Украины в борьбе за суверенитет. Правительство Януковича упрекали в том, что продлив пребывание Черноморского флота, оно не добилось низких цен на газ. Для подтверждения своей правоты журналисты привлекли в качестве эксперта даже крайне непопулярного бывшего президента

[13] Проект "Украинско-российские отношения. Год после подписания харьковских соглашений". Пресс-релиз, март 2011. – *Research & Branding Group*. Доступ: http://www.rb.com.ua/upload/medialibrary/PRKharkovRUS.pdf (проверено: 18.04.2014).

[14] Сегодня исполняется год со дня подписания "Харьковских соглашений". – *Подробности*. Доступ: http://podrobnosti.ua/podrobnosti/2011/04/27/766413.html (проверено 19.04.2014).

страны Ющенко: "*Самое главное, что этим шагом... мы не только отказались от собственной безопасности, мы не открыли себе завтрашний день в плане интеграции Украины в европейскую коллективную политику безопасности. То есть мы себе закрыли будущее. Мы променяли его якобы на деньги, а на самом деле мы проиграли... мы отдали национальную территорию, мы ее продали, не получив платы. Но самое главное, что мы проиграли стратегическую для нации политику*"[15]. Такие же контрасты наблюдались и в освещении всех остальных вопросов, связанных с Россией, таких как Первая и Вторая мировая, Великая Отечественная войны, статус русского языка, ситуация со свободой слова, развитием демократии и преодоление последствий природных катастроф. На "Интере" блок сюжетов о лесных пожарах в России летом 2010 г. завершался новостями о позитивных сдвигах в борьбе со стихией. "5 канал", напротив, придерживался разоблачительной риторики, подчеркивая недостаточную дееспособность российской власти, ее неготовность реагировать на природные бедствия. Акцентировалось нарушение прав граждан, "принуждение местных жителей к участию в операциях по спасению людей и тушению пожаров"[16].

Оставляя за рамками статьи интересные детали новостных лет украинских телеканалов, обобщим результаты анализа.

Во-первых, оценка Украины как страны *с частично свободными* СМИ справедлива. Вопрос о "свободе слова" решается не только исходя из ограничений, накладываемых государством, но и из внутренних редакционных установок. Несмотря на декларируемые плюрализм мнений и свободу высказываний, информационная политика обоих телеканалов имела отчетливо выраженный пропагандистский характер, смягченный умеренностью оценок на проправительственном "Интере" и усиленный непримиримостью оппозиционного "5 канала". Оба канала транслировали точку зрения действующих или бывших официальных лиц. Никакого "третьего мнения" представлено не было, отсутствовал жанр независимых журналистских репортажей. Новостные программы отражали не столько происходящие события, сколько "войну дискурсов". Наблюдаемый плюрализм формы не стал плюрализмом содержания.

Во-вторых, информация о России страдала противоречивостью и двусмысленностью. С одной стороны, телевидение акцентировало отношение к России как наследнице двух империй, не оставившей своих имперских амбиций, и представляло прошлое Украины в виде череды актов сопротивления имперскому насилию. С другой – новостные сообщения содержали множественные намеки на привилегированные отношения двух стран, позволявшие Украине рассчитывать на определенные выгоды, и нескрываемые обиды, когда подобные ожидания не оправдывались.

В-третьих, украинское телевидение активно использовало технологии негативной самоидентификации для консолидации населения вокруг идеи "Украина – не Россия". Этим целям служили как изображение России в виде "пугала", так и разоблачения "внутреннего врага". "Русский вопрос", трактуемый как присутствие инокультурных чужаков, логично трансформировался в отношение к русскому и русскоязычному населению страны как потенциальной "пятой колонне" и ресурсу "мягкого давления".

---

[15] Ющенко: Через підписання "Харківських угод" Україна поставила під сумнів своє майбутнє. – *5 канал*. Доступ: http://5.ua/newsline/179/4620/76046/ (проверено 19.04.2014).

[16] У Росії людей силою женуть гасити пожежі. – *5 канал*. Доступ: http://5.ua/newsline/251/13740/67423/ (проверено 19.04.2014).

Постсоветские учебники истории и географии на Украине

"Если понимать политику как постоянную борьбу за идентификацию, за изменение ответа на вопрос: 'Кто мы?', то очевидным оказывается, что учебник истории находится на острие политической борьбы", – писал И. Курилла, и с ним трудно не согласиться [Курилла 2013: 5]. Изменения в учебных планах школ начались еще на волне перестройки [Касьянов 2009: 24-42]. Тогда же появился первый курс истории Украины, равнозначный по объему курсам истории СССР и всемирной истории. В дальнейшем задачи национально-государственного строительства потребовали создания новых учебников по истории и социально-экономической географии Украины.

Несмотря на различия между поколениями постсоветских учебников, все они исходили из нескольких негласных, но чрезвычайно важных допущений. *Во-первых*, между историей страны и историей украинской нации устанавливалось тождество. *Во-вторых*, методологически правомерным признавался подход, широко использованный ранее в восточно- и центрально-европейской национальной историографии, определяемый как "виктимизация" и "оксидентализация" истории[17]. *В-третьих*, история виделась как объективный и безальтернативный процесс, движимый непреклонной силой исторических закономерностей, а не решениями людей. Объективизация истории позволяла интерпретировать события прошлого с позиции настоящего[18] [Карацуба, Курукин, Соколов 2006]. Начальный период суверенизации украинской истории был активным, но относительно спокойным. Конфликты на почве исторических трактовок наблюдались в предвыборные периоды, тогда же наметились главные пункты исторических баталий: 1) происхождение украинцев и украинской государственности; 2) вхождение украинских земель в состав России; 3) итоги пребывания Украины в составе Российской Империи и затем СССР.

В конце 1990-х – начале 2000-х годов политические дискуссии на исторические темы обострились и обрели региональный аспект. Юго-восток Украины, Крым и Закарпатье оказались в оппозиции государственному историческому нарративу, в рамках которого, по мнению Г. Касьянова, происходило замещение "советских исторических мифов националистическими".[19] С приходом к власти Ющенко, который неоднократно подчеркивал: "*Наша идея – единый народ, единый государственный язык, единая религия, единая нация*"[20], этноцентричность в изложении украинской истории усилилась.

Хотя президентство Януковича привело к частичному пересмотру школьных программ, и единая история Украины стала строиться на более нейтральных основаниях, а межрегиональные различия и общественные противоречия сглаживались, главным героем украинской истории оставалась самоопреде-

[17] Исторический миф в рамках этого подхода складывается как повествование о европейском и свободолюбивом народе, порабощенном завоевателями и лишенном своей государственности, за восстановление которой он неустанно боролся на протяжении веков, сопротивляясь гнету и сохраняя свои язык и культуру. См., например: [Elias 1986; Зарицкий 2006: 63-87; Kopeček 2008].

[18] Аналитический разбор российских учебников истории, показывающий их "родовые пятна", представлен в монографии [Карацуба. Курукин, Соколов 2006].

[19] Касьянов Г. 2009. Национализация истории на Украине. – *Публичные лекции проекта Полит.ру.* Доступ: http://www.polit.ru/article/2009/01/06/ucraine/ (проверено 19.04.2014).

[20] Ющенко озвучил национальную украинскую идею. 2007. *Ноев ковчег.* № 9. Доступ: http://www.noev-kovcheg.ru/mag/2007-09/854.html (проверено 19.04.2014).

лившаяся украинская нация, а центральным вопросом – вопрос о России. Для обоснования идеи национально-освободительной борьбы "Украины-колонии" против "России-империи"[21], неправомерно провозгласившей себя наследницей Киевской Руси, широко привлекались этногенетические теории, доказывающие различие происхождения русских и украинцев, представления об автохтонности народа, его особых правах на "исторические земли" и культурное наследие.

По мнению авторов учебника для 7-го класса, в условиях параллельного существования нескольких народов распад Киевской Руси был неизбежен и происходил по этническому принципу, что соответствовало мировым тенденциям. "*Процесс распада обширных многонациональных империй был характерным не только для Руси. Этот этап развития прошли и другие средневековые государства. Если результатом распада империи Карла Великого стало образование Италии, Франции и Германии, то в результате распада Киевской Руси выделились политических центры, которые стали основой современных русского, украинского и белорусского государств*"[22]. Оставляя за скобками научную состоятельность подобной аргументации, заметим лишь, что она нужна для обоснования тезиса о древности украинской государственности и прерванности европейской траектории развития Украины в результате ее вхождения в состав Российской Империи.

Согласно учебнику для 8-го класса, воссоединение Украины и России было политическим союзом двух равноправных государств, поэтому все дальнейшие события – это история узурпации и постепенной насильственной интеграции украинцев в состав московского царства. Уже в 1659 г. Украина "*включена в состав Московского государства как автономная политическая единица. Далее начался новый этап национально-освободительной борьбы украинского народа, более известный под названием Руина*"[23].

Логичным развитием этой идеи в 9-м классе является представление об Украине как колонии Российской Империи. Для подтверждения правомерности такого взгляда привлекается мнение Ленина, полагавшего, "*что Украина стала для России тем, чем для Англии была Ирландия, которая нещадно эксплуатировалась, не получая ничего взамен*". Однако "*Украина не была колонией 'азиатского' типа – бедной, без собственной промышленности, ресурсы которой империя просто выкачивает. Она была колонией 'европейского' типа – промышленно развитой, которую лишают не столько ресурсов, сколько капитала и потенциальных прибылей*"[24]. В начале XIX в. на Украине сложилась многоотраслевая экономика. Это произошло благодаря успехам хозяйства

[21] Дискуссии о применимости постколониальной теории к интерпретации советской и постсоветской истории развернулись с конца 1990-х годов. Сильная сторона постколониальной теории – использование методов критической деконструкции прошлого и переосмысления проблем внутриимперских взаимоотношений [см., например: Новая имперская... 2004; Адамс 2009: 25-36]. Однако в постсоветских исследованиях сложный и рефлексивный постколониальный подход нередко подменяется упрощенным взглядом на развитие бывших советских республик как историю угнетения и героического сопротивления.

[22] Ладиченко Т.В., Свідерський Ю.Ю., Романишин Н.Ю. 2007. *Історія України: 7 клас.* Київ: Грамота. С. 143.

[23] Власов В.С. 2008. *Історія України: 8 клас.* К.: Генеза. С. 173.

[24] Турченко Ф.Г., Мороко В.М. 2009. *Історія України: Кінець XVIII-початок XX століття. 9 клас.* – Київ: Генеза. С. 193-194.

малороссийских губерний и вопреки империи, сдерживавшей успешное экономическое развитие отдельных отраслей, особенно в области переработки сельскохозяйственного сырья. В строительстве железных дорог также "*обозначились... колониальные тенденции российской экономической политики. Согласно ей строились, прежде всего, те магистрали, которые соединяли украинские земли не с украинскими городами, а с московским промышленным районом. Строительство железных дорог, кроме того, было связано со стратегическими планами империи, что часто противоречило экономическим потребностям Украины*"[25]. Особому угнетению со стороны России подвергались украинская культура и образование. "*Пребывание в составе России отразилось для Украины образовательным регрессом. Его масштабы были особенно катастрофическими для этнических украинцев...*"[26]

В тексте учебника для 9-го класса имеются многочисленные сравнения опыта пребывания нынешних регионов Украины в составе Российской и Австро-Венгерской Империй, не в пользу первой. Подчеркивается, что для Западной Украины был характерен более высокий уровень общественных отношений, культуры, образования, оснащенности сельского хозяйства, меньшее национальное притеснение. Однако и в том, и в другом случае имперская политика в отношении украинцев "строилась на трех взаимосвязанных принципах": унификация (сведение всех особенностей национальной жизни к общеимперским образцам), бюрократизация (лишение украинцев элементов самоуправления), культурная ассимиляция (насаждение языка господствующей нации, поглощение национальной культуры, русификация, полонизация и пр.)[27]. Главная идея состоит в том, что только этнонациональное государство и связанные с ним институты культурного господства и легитимного насилия могут обеспечить нормальное развитие народа.

Авторы учебников отмечают, что Первая мировая война, две революции 1917 г. и последовавшая затем гражданская война были для Украины особенно тяжелым периодом. *Во-первых*, военные действия шли на ее территории, *во-вторых*, украинский народ оказался разделен между "*двумя противоборствующими лагерями*", *в-третьих*, украинцы были лишены "*собственного государства, которое защищало бы их конкретные интересы*".[28] Согласно учебнику для 10-го класса, события 1917 г. на Украине имели "национально-демократический характер". Украинские лидеры того времени поддерживали как общие социальные, политические и экономические требования, так и требования национального суверенитета. Первый универсал украинской Центральной Рады, провозгласивший автономию Украины, оценивается как начало восстановления утраченной государственности. Большевистская власть из Москвы подавила эту попытку. Дальше – хуже: "*Чтобы окончательно сломить сопротивление украинских хлеборобов, большевистские вожди в Москве решили организовать на Украине преднамеренный голод... Вместе с истреблением*

[25] Турченко Ф.Г. и др. Op. cit. 2009. С. 199.

[26] Турченко Ф.Г., Мороко В.М. 2004. *Історія України: Кінець XVIII-початок XX століття: 9 клас.* Київ: Генеза. С. 258.

[27] Турченко Ф.Г. и др. 2004. Op. cit. С. 5. Турченко Ф.Г. и др. Op. cit. 2009. С. 35.

[28] Пометун О.І., Гупан Н.М., Фрейман Г.О. 2010. *Історія України: 10 клас.* Київ: Світ знань. Доступ: http://osvitanet.com.ua (проверено 17.04.2014).

украинского крестьянства правительство большевиков развернуло борьбу против украинского образования, науки, искусства"[29].

Единственным украинским учебником истории, где эти трагические события рассматривались в контексте общей ситуации в СССР, был учебник П.Б. Полянского[30]. Интерпретация событий голода 1932-1933 гг. сильно различается в учебниках разных лет издания. Министр образования и науки в правительстве Януковича Д. Табачник предложил "*четко прописать, что Голодомор – это общая трагедия народов СССР*"[31]. В результате в школьной программе по истории Украины Голодомор даже не упоминается. [Програма для загальноосвітніх... 2010]. Из всех учебников для 5-го класса исчезли высказывания о "преднамеренном уничтожении" украинского народа.[32] В проанализированных нами учебниках для 10-го и 11-го классов разделы о 1920-30-х годах отсутствуют: учебники для 10-го класса завершаются изучением событий 1921 г.[33], а для 11-го класса начинаются с событий 1939 г.[34] Спорному для украинской историографии периоду посвящено отдельное учебное пособие[35].

Столь же значительные изменения после 2010 г. претерпела и интерпретация событий Второй мировой войны на территории Украины. Если в предыдущей версии учебников она называлась "Второй мировой", "советско-нацистской" или "советско-германской", то в новой ей был возвращен статус "Великой Отечественной". Авторы начали подчеркивать роль украинского народа в победе над фашизмом и освобождении СССР[36]. Существенно сократился объем информации о деятельности Организации украинских националистов (ОУН) и Украинской повстанческой армии (УПА), хотя их члены по-прежнему характеризовались как борцы за независимую Украину, а коллаборационизм объяснялся стремлением использовать силы одного режима в борьбе с другим. Делалась оговорка, что ближе к концу войны украинские националисты также воевали с фашистскими захватчиками и "*во время наступательных операций Красной Армии избегали боев с ее частями*"[37].

Освещение итогов послевоенного периода и последовавшего затем распада СССР весьма противоречиво: развитие экономики, в традиционной советской историографии рассматривавшееся как успех, было подвергнуто негативной переоценке. "*Во все времена властители-чужаки безнаказанно грабили и уничтожали богатства нашей земли, совсем не заботясь о будущих поколениях... Партийные чиновники были безразличны к нуждам людей. В республике было построено немало крупных*

[29] Власов В.С., Данилевська О.М. 2002. *Вступ до історії України: 5 клас.* – Київ: Генеза. С. 214.

[30] Полянський П.Б. Всесвітня історія. 1914-1939: *Підруч. для 10-го кл. загально-освіт. навч. закл. Київ*: Генеза. 2003. 288 с.

[31] Табачник рассказал о жертвах Голодомора. 2011. *Обозреватель*. 4 марта. Доступ: http://obozrevatel.com/politics/tabachnik-rasskazal-o-zhertvah-golodomora.htm (проверено: 24.04.2014).

[32] Переписанная история Украины. Версия эпохи Дмитрия Табачника. 2010. *Украинская правда*. 26 августа. Доступ: http://www.pravda.com.ua/rus/articles/2010/08/26/5332444/ (проверено: 24.04.2014).

[33] Пометун О.І., Гупан Н.М., Фрейман Г.О. *Історія України: 10 клас.* Київ: Світ знань. 2010. . Доступ: http://osvitanet.com.ua. (проверено 17.04.2014); Власов В.С., Кульчицький С.В. 2010. *Історія України: 10 клас.* Київ: Літера ЛТД.

[34] Пометун О.І., Гупан Н.М. 2011. *Історія України: 11 клас.* – Київ: Освіта.

[35] Власов В.С. 2011. *Історія України 1921-1938: 10 клас.* Київ: Літера ЛТД.

[36] Пометун О.І., Гупан Н.М. 2001. Op. cit. С. 57-64.

[37] Пометун О.І., Гупан Н.М. 2001. Op. cit. С. 49-50.

предприятий, загрязняющих вредными отходами и землю, и воду, и воздух… Ухудшалось водоснабжение. Днепр и другие водоемы вот-вот могли стать мертвыми… И самая большая беда для Украины катастрофа на Чернобыльской атомной электростанции… Жизнь убедительно доказала – улучшить ситуацию из далеких столиц невозможно. Так перед Украиной опять возникла необходимость бороться за независимость"[38].

Тем не менее, в новом поколении учебников авторы обращали внимание на некоторые достижения советского периода, важные для развития Украины. Отмечались "прорыв" в области образования, создание сложных производств, превращение Украины во всесоюзную житницу. Среди политических бонусов называлось членство в ООН (1946) и расширение территории страны за счет присоединения Крыма (1954), упоминалось о принятии новой Конституции УССР (1978). Среди негативных последствий пребывания в составе СССР было указано обрусение украинского населения вследствие "*переселенческой и русификаторской политики советских властей*", развитие страны в условиях тоталитаризма и отсутствия демократии. Рассказывалось о диссидентском движении, подчеркивалась важность событий 1980-х годов, когда "*консервативные силы были уже не в состоянии остановить процессы демократизации, повышения общественной активности и национального сознания украинского общества*"[39]. Эти процессы закономерно завершились принятием Декларации о государственном суверенитете Украины. В учебнике приведены данные украинского референдума по вопросу провозглашения независимости, включая Автономную Республику Крым, и отмечено усиление сепаратистских тенденций в отдельных регионах страны, часть из которых "*выступила с идеей создания на Юге Украины так называемой Новороссии*". Все экономические и политические риски постсоветского национально-государственного строительства на Украине связывались с Россией, которая в изложении авторов по-прежнему продолжала эксплуатировать Украину и извлекать выгоды из ее зависимого положения.

Несколько параграфов посвящено проблеме консолидации нации и выработке национальной идеи. Особая роль в этом процессе отведена украинскому языку как средству достижения "*согласия, единения всех граждан государства вокруг общегосударственных проблем*"[40].

Учебники географии для 9-го и 10-го классов к фактам, изложенным в учебниках истории, добавляют территориальное измерение. География позволяет школьникам по карте проследить соотношение государственной территории Украины с землями, которые авторами учебника определяются как "этнические" и "исторические". К этим землям среди прочих отнесены Кубань и часть Слобожанщины, входящие сегодня в состав Брянской, Курской, Белгородской и Воронежской областей РФ[41]. Присоединение Украины к России рассматривается в одном ряду с "колониальными завоеваниями" других государств[42]. Большое внимание уделено экономико-географическому и геополитическому положению Украины. Учащимся предлагалось оценить плюсы и минусы расположения *"между странами Европейского союза, с одной стороны, и Россией, с другой*", а также перспективы перестройки

[38] Власов В.С., Данилевська О.М. 2002. Op. cit. С. 232.

[39] Пометун О.І., Гупан Н.М. 2011. Op. cit. С. 212.

[40] Там же. С. 289-290.

[41] Надтока О.Ф., Топузов О.М. 2010. *Географія: 9 клас*. Київ: Світ знань. С. 22-23.

[42] Коберник С.Г., Коваленко Р.Р. 2010. *Географія: Підручн. для 10 кл. загальноосвіт. навч. закл.* Харків: Оберіг. С. 11.

экономики Украины *“в соответствии с требованиями научно-технического прогресса и европейской интеграции*”[43]. Авторы развенчивали миф о выгодах соседства Украины и России, показывая, что на практике они нивелируются нерешенными политическими проблемами и геополитическими угрозами. Национальные интересы Украины связывались со странами Центральной и Западной Европы, а также Закавказья, подчеркивалась положительная роль НАТО в современном мире. Несмотря на принятие закона о нейтральном статусе страны, в учебнике для 10-го класса содержались упоминания о национальной программе по подготовке Украины к вступлению в НАТО[44].

Заключение

Антироссийская риторика ведущих украинских политиков, содержание новостных лент телевизионных каналов и школьных учебников истории и географии обычно объяснялись потребностями национально-государственного строительства, необходимостью создания единого, консолидированного и самобытного украинского государства, отличного от своих соседей. Совместная история России и Украины делает это размежевание особенно тяжелым и болезненным, порождая множественные издержки. Акцентирование негативного образа России для поддержания украинской национально-государственной идентичности часто рассматривалось как болезнь роста, временное, но закономерное явление. Такое объяснение выглядит достаточно убедительно, но все-таки оставляет место для вопроса: “А насколько такая позиция полезна для Украины?”.

Чтобы разрешить эти сомнения, стоит обратиться к опыту Польши – страны, исторически тесно связанной и с Россией, и с Украиной. *“В формировании современной польской идентичности,* – пишет Т. Зарицкий, – *образ России играет ключевую роль, выполняя в дискурсивных механизмах ряд функций, связанных с компенсированием слабости периферийной Польши по сравнению с Западом*”[45]. Опыт Польши по переосмыслению истории и институционализации негативного образа России в текстах учебников и масс-медиа, несомненно, известен на Украине, во многом взят на вооружение, а иногда и просто копируется. Однако существует целый ряд обстоятельств, которые не позволяют переносить выработанные в Польше подходы на украинскую почву.

Во-первых, рассмотрение России в качестве значимого “другого” в случае Польши более обоснованно, нежели в случае Украины. Социологические исследования показывают, что русские для украинцев, несмотря на все перипетии советских и постсоветских взаимоотношений, до последнего времени оставались среди “своих”. Индекс этнокультурного дистанцирования от русских на Украине составлял 2,5 в 1992 г., 3,1 – в 2005 и 2,7 – в 2012 г. Даже в селах Западной Украины он не поднимался выше 3,5 баллов[46]. Такие значения свидетельствовали о высоком уровне взаимопонимания между народами, открытости и готовности вступать в любые контакты. Никакой другой народ не рассматривался населением Украины как более близкий.

[43] Коберник С.Г., Коваленко Р.Р. 2010. Цит. соч. С. 14.

[44] Пестушко В.Ю., Уварова Г.Ш. 2010. *Географія: Підручн. для 10 кл. загальноосвіт. навч. закл.* Київ: Генеза. С. 30.

[45] Зарицкий Т. 2006. Op. cit. С. 64.

[46] Панина Н.В. 2006. Факторы национальной идентичности, толерантности, ксенофобии и антисемитизма в современной Украине. – *Вестник общественного мнения.* № 1(81). С. 26-38; *Украина: региональная толерантность, ксенофобия и права человека в 2012 году. Аналитический отчет, январь 2013.* Доступ: http://www.ihrpex.org/ru/docs/ (проверено 17.01.2014).

Во-вторых, в Польше Россия является объектом *"утешительных" сравнений*. На фоне представлений о России как богатой и милитаризованной стране с бедным населением и неразвитым обществом, коррумпированной элитой и авторитарной системой управления проблемы Польши выглядят как значительно менее серьезные и решаемые. Но для Украины Россия – это скорее объект *неутешительных сравнений*. Единственное, чем может похвастаться Украина – это высокий уровень свободы СМИ, обеспечиваемый, как показал наш анализ, не большей демократичностью общества, а межэлитными противоречиями, продуцируемыми межрегиональными различиями. Расколы в обществе обеспечили его плюрализм, но не привели к демократизации. "Единство мнений" достигается за счет продавливания своей позиции власть предержащими или пропаганды, а не поиска общественного консенсуса.

В-третьих, если в Польше "российская угроза", которая обосновывается не столько агрессивной российской политикой, сколько имманентно присущей ей имперскостью и непредсказуемостью, служит консолидации страны и укреплению национальной идентичности, то в случае Украины это способствует усилению внутренних расколов. "Российская угроза" трансформируется в возможность "спасения" от еще большей нестабильности и непредсказуемости.

Наконец, русский язык все постсоветские годы позиционировался не как язык культуры и науки, на котором творили крупнейшие украинские литераторы и ученые, а как язык завоевателей и угнетателей, чуждый украинской нации, препятствующий ее формированию и консолидации. Несмотря на фрустрацию русскоговорящего населения Украины и шаги, направленные на усиление позиций украинского языка, прежде всего в политике, делопроизводстве и образовании, русский остался языком общения большинства населения страны, а его вытеснение из официального оборота вызывало болезненную реакцию значительной части граждан.

Модель укрепления украинской национальной идентичности через противопоставление с Россией вошла в противоречие с реалиями и расшатала, а не поддержала украинскую государственность, что ясно проявилось в событиях после февраля 2014 г. Как показал опрос, проведенный Киевским международным институтом социологии в апреле 2014 г., 16,1% жителей Харьковской области, 27,5% – Донецкой и 30,3% – Луганской поддерживали или "скорее поддерживали" мнение о том, что их регионам следовало отделиться от Украины и присоединиться к России[47]. Причины кризиса украинской государственности, на наш взгляд, заключаются не только в накопленном за постсоветские годы в Донбассе потенциале социального протеста, вызванного недовольством экономической ситуацией, но и в конфликте ценностей, взглядов на недавнюю историю и основы украинской идентичности, в неудовлетворенной потребности в уважении самобытности региона и сделанного им в советский период вклада в развитие современной Украины. Что касается остальных регионов Украины, то ныне очевидно, что проект будущего страны и восстановления государства связывается с еще большим отторжением от России и успешной евроинтеграцией. Однако если вновь обратиться к опыту Польши, то он свидетельствует, что вслед

[47] В других областях Юго-Востока – от Днепропетровской до Херсонской – эту радикальную точку зрения разделяла лишь крайне незначительная доля респондентов. См. *Мнения и взгляды жителей Юго-Востока Украины: апрель 2014.* Доступ: http://zn.ua/UKRAINE/mneniya-i-vzglyady-zhiteley-yugo-vostoka-ukrainy-aprel-2014-143598_.html (проверено 27.05.2014).

за завышенными ожиданиями наступает разочарование, возникает евроскептицизм. Перед обществом встает проблема моральной компенсации ощущения периферийности, экономической слабости и маргинальности, недостатка уважения не только со стороны "ядра" стран ЕС, но и соседей. Все это скорее способствует углублению расколов в стране, чем ее консолидации.

Адамс Л. 2009. Применима ли постколониальная теория к Центральной Евразии? – *Неприкосновенный запас*. № 4 (66). С. 25-36.

Вендина О. 2011. Украина между Россией и Польшей: как развитие украинско-польского трансграничного сотрудничества влияет на ситуацию в российско-украинском пограничье. – *Российско-украинское пограничье: двадцать лет разделенного единства (*под ред. В.А. Колосова и О.И. Вендиной). М.: Новый хронограф. С. 270-307.

Галушко К. 2012. *Украинский национализм: ликбез для русских*. Київ: Темпора. 635 с.

Грицак Я.И. 2004 Двадцять дві України. – *Страсті за націоналізмом. Історичні есеї*. Київ. С. 216-228.

Грицак Я.И. 2011. *Страсті за націоналізмом. Стара історія на новий лад*. Київ: Критика. 176 с.

Данилов А.А., Филиппов А.В. 2009. *Освещение общей истории России и народов постсоветских стран в школьных учебниках истории*. М. Государственный клуб. 389 с.

Зарицкий Т. 2006. Российский дискурс в Польше: образ России в конструировании польской идентичности. – *Россияне и поляки на рубеже столетий. Опыт сравнительного исследования социальных идентификаций (1998-2002)* (под ред. В.А. Ядова и Е.Н. Даниловой). СПб.: Изд-во РХГИ. С. 63-87.

Карацуба И., Курукин И., Соколов Н. 2006. *Выбирая свою историю. "Развилки" на пути России: от рюриковичей до олигархов*. М.: КоЛибри. 638 с.

Касьянов Г. 2009. Голодомор и строительство нации. – *Pro et Contra*. № 3, 4. С. 24-42.

Колосов В.А. 2001. Российско-украинские отношения в эпоху интенсивного национального и государственного строительства. – *Полития*. № 1 (19). С. 103-140.

Колосов В.А. 2011. Россия и Украина: национально-государственное строительство и геополитические приоритеты. – *Российско-украинское пограничье: двадцать лет разделенного единства* (под ред. В.А. Колосова и О.И. Вендиной). М.: Новый хронограф. С. 65-99.

Курилла И.И. 2013. Кто должен писать учебники истории. – *Кто боится учебника истории? Волгоградский исторический семинар*. Выпуск 4. Волгоград: Изд. ВолГУ. С. 5.

Кучма Л. 2004. *Украина – не Россия*. Киев: Время. 560 с.

Кынев А.В. 2005. Эффекты "Майдана": политическая система Украины после кризиса 2004 г. – *Полис*. № 1. С. 65.

Миллер А.И. 2000. *Украинский вопрос" в политике властей и русском общественном мнении (вторая половина XIX века)*. Спб.: Алетейя. 284 с.

Миллер А.И. 2007. Дуализм идентичностей на Украине // *Отечественные записки*. № 1 (33). С. 84-86.

Новая имперская история постсоветского пространства. 2004. (Ред. и сост.: И. Герасимов, С. Глебов, А. Каплуновский, М. Могильнер, А. Семенов). Казань: Ab Imperio. 656 с.

Паниотто В.И. 2013. Украина. Евромайдан. – *Вестник общественного мнения*. № 3-4 (116), июль-декабрь. С. 17-23.

Погребинский М.Б. 2007. *Украина без Кучмы. Год оранжевой власти*. Киев: Оптима. 2007. 744 с.

Програма для загальноосвітніх навчальних закладів. Історія України 10-11 класи (рівень стандарту). 2010. Киев: МОН України.

Толпыго А.К. 1994. Украинские политические идеологии. – *Полис*. № 1. С. 113-120.

Фисун А. Постсоветская политика как неопатримониальный процесс. – *Вестник Института Кеннана в России*, вып. 16, 2009. С. 53-63.

Ципко А. 2001. О различиях в процессах формирования новых российской и украинской национальных идентификаций. – *Полития*. 2001. № 1. С. 172-186.

Elias R. 1986. *The Politics of Victimization: Victims, Victimology and Human Rights*. N.Y.: Oxford University Press. 395 p.

Kopeček M. 2008. *Past in the Making. Historical Revisionism in Central Europe after 1989*. Budapest: CEU Press. 264 p.

DOI: 10.17976/jpps/2014.05.05

UKRAINE IN THE POLITICAL CRISIS: THE IMAGE OF RUSSIA AS CATALYST OF CONTRADICTIONS

O.I. Vendina[1], V.A. Kolossov[2], F.A. Popov[3], A.B. Sebentsov[4]

[1] *Institute of Geography, Russian Academy of Sciences. Moscow, Russia*

[2] *Institute of Geography, Russian Academy of Sciences. Moscow, Russia*

[3] *Institute of Geography, Russian Academy of Sciences. Moscow, Russia*

[4] *Institute of Geography, Russian Academy of Sciences. Moscow, Russia*

VENDINA Olga Ivanovna, Cand. Sci. (Geogr.), Leading Research Fellow, Centre of Geopolitical Studies, Institute of Geography, Russian Academy of Sciences. Email: o.vendina@gmail.com**; KOLOSSOV Vladimir Alexandrovich, Professor, Head, Centre of Geopolitical Studies, Institute of Geography, Russian Academy of Sciences.** Email: vladimirkolossov@gmail.com**; POPOV Fedor Arkadyevich, Cand. Sci. (Geogr.), Research Fellow, Centre of Geopolitical Studies, Institute of Geography, Russian Academy of Sciences.** Email: fpopov@yandex.ru**; SEBENTSOV Alexander Borisovich, Cand. Sci. (Geogr.), Research Fellow, Centre of Geopolitical Studies, Institute of Geography, Russian Academy of Sciences.** Email: asebentsov@gmail.com

Received: 06.05.2014. Accepted: 30.06.2014

Abstract. This paper deals with the period that is prior to Ukraine's crises of 2013-14. The image of Russia shaped by political discourses, TV news and school textbook on history and geography is analyzed. The authors examine in what way the political doctrines which were in use exerted influence upon public opinion and resulted in direct and indirect consequences. They argue that the "European prospect", which is serving as a guide line for social and institutional modernization all around Central and Eastern Europe, including Russia, has been transformed in Ukraine into an ideology for identity and state-building. The European aspiration was legitimized by an idea that "Ukraine is not Russia". This concept kept its importance during the Post-Soviet period regardless of changes in political elites and has been transmitted through the mass-media and school education. The politics of the Ukrainian media was one-sided in spite of declared pluralism of opinions and freedom of speech. The TV news has not reflected the current events so much as a "war of discourses" promoted by protagonists and antagonists of the Ukrainian government. The observed plurality of Ukrainian media did not become a plurality of meanings and approaches. Analyses of the political discourses and mass media are balanced by review of school textbooks on history and geography. The authors discovered that all of the textbooks assumed a similar initial hypothesis despite the change in textbooks' generations and political assessments. First, the history of the country and the history of the Ukrainian nation are considered as identical. Second, the approaches, which are well known as "victimization" and "occidentalisation" of national history, were applied to explain Ukrainian history. Third, history itself was considered as a predetermined process driven by the logic of history, not by people's decisions. Objectifying history, the school textbooks interpreted historical incidents from the perspective of the current political agenda. School students built up an image of Ukraine as a colony first of the Moscow state, then of the Russian Empire and the USSR. In conclusion the authors argue that the opposition of Russia and Ukraine, which has been widely used as a tool for the creation of a unified nation in Ukraine, has played a destructive rather than a constructive role for both Ukrainian society and the state.

Keywords: Ukraine, Russia, political discourse, mass media, school textbooks, national identity, national interests.

References

Adams L. Is it possible to applies postcolonial theory to Central Eurasia. – *Neprikosnovennyj zapas*. № 4 (66). 2009. P. 25-36. (In Russ.)

Danilov A.A., Filippov A.V. *Osveshchenie obshchei istorii Rossii i narodov postsovetskkih stran v shkol'nykh uchebnikakh istorii* [Interpretation of common history of Russia and the peoples of post-Soviet countries in school history]. Moscow: Gosudarstvennyi klub. 2009. 389 p. (In Russ.)

Elias R. *The Politics of Victimization: Victims, Victimology and Human Rights.* N.Y.: Oxford University Press. 1986. 395 p.

Fisun A. Post-Soviet Policy as a Neo-Patrimonial Process. – *Vestnik Instituta Kennana v Possii.* 2009. Issue 16. P. 53-63. (In Russ.)

Galushko K. *Ukrainskii nacionalizm: likbez dlja russkikh* [Ukrainian nationalism: Elementary Knowledge for Russians]. Kiïv: Tempora. 2012. 635 p.

Gricak Y.I. *Dvadtsiat' dve Ukraïni. Strasti za nacionalizmom. Istorichni eseï.* [Twenty two Ukraines. The Passion for Nationalism. Historical Essay]. Kiev. 2004. P. 216-228.

Gricak Y.I. *Strasti za nacionalizmom. Stara istoria na novyi lad* [The Passion for Nationalism. New View on Old History]. Kiev: Kritika. 2011. 176 p.

Karatsuba I., Kurukin I., Sokolov N. *Vybiraya svou istoriu. "Razvilki" na puti Rossii: ot Rurikovichei do oligarkhov* [Choosing Own History. Bifurcations of the Way of Russia: from the Rurikovichs to Oligarchs]. Moscow: KoLibri. 2006. 638 p.

Kasianov G. Golodomor and Nation Building. – *Pro et Contra.* 2009. № 3, 4. P. 24-42. (In Russ.)

Kolossov V.A. Russian-Ukrainian relations in the period of the intensive nation and state building. – *Politeia.* 2001. № 1 (19). P. 103-140. (In Russ.)

Kolossov V.A. Rossia i Ukraina: natsional'no-gosudarstvennoe stroitel'stvo i geopoliticheskie prioritety [Russia and Ukraine: nation- and state-building and geopolitical priorities]. – *Rossiisko-ukrainskoe pogranich'e: dvadtsat' let razdelennogo edinstva (pod red. V.A. Kolosova i O.I. Vendinoi)* [Russian-Ukrainian Border: Twenty Years of the Divided Unity (V.A. Kolosov and O.I. Vendina, eds.)]. Moscow: Novyi Khronograf. 2011. P. 65-99.

Kopeček M. *Past in the Making. Historical Revisionism in Central Europe after 1989.* – Budapest: CEU Press. 2008. 264 p.

Kuchma L. *Ukraina – ne Rossia.* [Ukraine is Not Russia]. – Kiev: Vremya. 2004. 560 p.

Kurilla I.I. Kto dolzhen pisat' uchebniki istorii [Who Should Write History Schoolbooks]. – *Kto boitsya uchebnika istorii?* [Who is Afraid of History Schoolbook?]. Volgograd: VolGU. 2013. P. 5

Kynev A.V. Effects of the "Maidan": Political System OF Ukraine After the Crisis of 2004. – *Polis.* 2005. № 1. P. 63-71. (In Russ.)

Miller A.I. *"Ukrainskii vopros" v politike vlastei i russkom obshhestvennom mnenii (vtoraya polovina XIX veka)* [The "Ukrainian Question" in the Politics of the Authorities and Russian Public Opinion]. Saint-Petersburg: Aleteya. 2000. 284 p.

Miller A.I. Dualism of identities in Ukraine]. – *Otechestvennye zapiski.* 2007. № 1 (33). P. 84-86. (In Russ.)

Novaya imperskaya istoria postsovetskogo prostranstva (red. i sost: I. Gerasimov, S. Glebov, A. Kaplunovskii, M. Mogilner, A. Semenov) [New Imperial History of the Post-Soviet Space (I. Gerasimov, S. Glebov, A. Kaplunovskii, M. Mogilner, A. Semenov eds]. Kazan: "Ib Imperio". 2004. 656 p.

Paniotto V.I. Ukraine. Evromaidan. – *Vestnik obshchestvennogo mnenia.* 2013. № 3-4 (116). P. 17-23. (In Russ.)

Pogrebinskii M.B. *Ukraina bez Kuchmy. God oranzhevoi vlasti* [Ukraine Without Kuchma. A Year of the Orange Power]. Kiev: Optima. 2007. 744 p.

Programa dlia zagal'noosvitnikh navchal'nikh zakladiv Istorja Ukraïni 10-11 klasi (riven' standartu) [Curriculum for Secondary School. Ukraine History for 10-11 classes]. 2010. Kiev: MON Ukraïni.

Tolpygo A.K. Ukrainian Political Ideologies. – *Polis.* 1994. № 1. P. 113-120. (In Russ.)

Tsipko A. About the Differences in the Processes of New Russian and Ukrainian National Identity Building. – *Politeia.* 2001. № 1. P. 172-186. (In Russ.)

Vendina O. Ukraina mezhdu Rossiej i Pol'shej: kak razvitie ukrainsko-pol'skogo transgranichnogo sotrudnichestva vlijaet na situaciju v rossijsko-ukrainskom pogranich'e [Ukraine Between Russia and Poland: How the Development of the Ukrainian-Polish Cross-border Cooperation Affects the Situation in the Russian-Ukrainian Borderland]. – *Rossiisko-ukrainskoe pogranich'e: dvadtsat' let razdelennogo edinstva (pod red. V.A. Kolosova i O.I. Vendinoi)* [Russian-Ukrainian Border: Twenty Years of the Divided Unity (V.A. Kolosov and O.I. Vendina, eds.)]. Moscow: Novyi Khronograf. 2011. p. 270-307.

Zarickij T. Rossiiskii diskurs v Pol'she: obraz Rossii v konstruirovanii pol'skoi identichnosti [Russian discourse in Poland: the image of Russia in the construction of Polish identity]. – *Rossiiane i poliaki na rubezhe stoletii. Opyt sravnitel'nogo issledovania social'nykh identifikacii (1998-2002). (Pod red. V.A. Yadova i E.N. Danilovoi)* [Russians and Poles at the Turn of the Centuries. Experience of the Comparative Study of Social Identities (1998-2002)]. Saint-Petersburg: RHGI Publ. House. 2006. P. 63-87.